

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт философии Российской академии наук

На правах рукописи

Глухов Алексей Анатольевич

Политическая логика Платона.

Интерпретация «Государства»

Специальность 09.00.03 – История философии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Москва 2012

**Работа выполнена в секторе античной и средневековой философии и науки
Института философии Российской академии наук**

Научный руководитель:

- доктор философских наук, Шичалин Ю. А.

Официальные оппоненты:

- доктор философских наук, Столяров А. А.

- кандидат философских наук, Михайловский А. В.

Ведущая организация:

**кафедра философии Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД России**

**Защита состоится «__» _____ 2012 г. в __ часов на заседании
Специализированного совета по истории философии (шифр Д.002.015.04) при
Институте философии РАН по адресу: 119991, Москва, ул. Волхонка, 14.**

**С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии
Российской академии наук.**

Автореферат разослан «__» _____ 2012 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор философских наук, доцент

Ю. В. Синеокая

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

Прошедшее столетие называют «веком антиплатонизма». Антиплатонизм – враждебность к мысли Платона, объявление ей интеллектуальной войны. Но невозможно сражаться с врагом, не веря в его силу и значимость в настоящем. Философия XX в. предложила две разные трактовки современной реинкарнации политического платонизма. К. Поппер в книге «Открытое общество и его враги» (1945) называет политическую программу Платона «тоталитаристской», а ее автора антигуманистом и реакционером.¹ Поппер отождествляет «в нравственном отношении» платонизм с конкретными политическими режимами, находившимися во время написания его книги в состоянии открытой либо тайной конфронтации с западными либеральными демократиями. Поражение нацизма, распад Советского государства в этой логике должны были привести к нивелированию значимости платонизма, редуцировать его масштаб до уже преодоленной теоретической позиции и в конечном счете списать в архив истории идей. На актуальность попперовского антиплатонизма меньше всего можно полагаться теперь, когда тоталитарных режимов в Европе больше не существует. Противоположный взгляд на судьбу платонизма предлагался мыслителями, усматривавшими торжество теоретических взглядов Платона не в конкретных исторических режимах, но вообще в Государстве современного типа, власть которого опирается на администрирование, биополитику и тотальную репрезентацию сущего. По мнению М. Хайдеггера, современный мир говорит на языке Платона, а возможности неплатонической мысли в эпоху конца философии крайне эфемерны.² Актуальность платонизма в этой логике не вызывает сомнений. Однако тем сомнительнее статус исследования, посвященного предмету, столь всепроникающему и насущному, что теряется его историческая специфика. Проблематизация политической философии Платона и, как следствие, экспликация ее актуальной значимости для современной мысли возможна лишь с позиции, претендующей на независимость от логик репрезентации и различия, лежащих в основе выше указанных образцовых трактовок платонизма. Необходимо учитывать объективные результаты научных исследований по античной политике, но в то же время предложить философское понимание условий значимости политических высказываний.

---

¹ *Popper K.* Открытое общество и его враги. В 2 тт. Т. 1. Чары Платона. М., 1992. С. 123-124.

² *Heidegger M.* Das Ende der Philosophie ... // Gesamtausgabe, Bd.14. S. 82.

Объектом исследования являются представленные в сочинениях Платона возможности мышления и речи в контексте политических реалий своей эпохи. Древнегреческий философ устанавливает условия возникновения свободной речи, посредством которой учреждается политико-онтологическая картина мира. Конкретным **предметом** изучения являются тексты платоновского корпуса. В центре внимания – «Государство» и некоторые сочинения раннего и среднего периодов творчества Платона, в которых отражена политическая философия древнегреческого мыслителя. Попытка нового прочтения этих известнейших текстов получает оправдание благодаря полемическому контексту, образуемому современной критикой и новейшими результатами научных исследований античного политического бытия.

Степень разработанности проблемы

Работы ведущих представителей современной политической философии обладают высоким индексом цитируемости в гуманитарных исследованиях и прямо влияют на идеологию новых направлений и методов в изучении античной цивилизации. Возникает описанный в книге Э. Тигерстедта³ эффект влияния доминирующей философии на современную ей историю философии и в частности на интерпретацию платонизма: Античность, о которой пишут сегодняшние исследователи, все более отдаляется от классических представлений о ней. В результате на рубеже XX-XXI вв. произошел значительный сдвиг в понимании природы политических отношений в архаической Греции (сб. ст. под ред. К. Дугерти, Л. Керк)⁴, в механизме античной колонизации (сб. ст. под ред. Г. Р. Цецхладзе)⁵. Завоевывает признание термин «политическое без полиса»; открываются возможности для изучения античного общества вне рамок традиционного «афиноцентризма» (сб. ст. под ред. Р. Брока и С. Ходкинсона; Д. Маккоски и Э. Закина, Т. Деркса и Н. Ройменса, труды Копенгагенского центра POLIS под рук. М. Хансена)⁶. Представления об основах самой афинской демократии также претерпевают важнейшие

---

³ *Tigerstedt E. Interpreting Plato. Almqvist, 1977.*

⁴ *Cultural poetics in archaic Greece / Ed. by C. Dougherty, L. Kurke. Cambridge, 1998.*

⁵ *Greek colonisation: an account of Greek colonies and other settlements overseas, vols. 1-2 / Ed. by G. R. Tsetschladze. Brill, 2006-2008.*

⁶ *Alternatives to Athens. Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece / Ed. by R. Brock, St. Hodkinson. Oxford. 2000; Bound by the city : Greek tragedy, sexual difference, and the formation of the polis / Ed. by D. E. McCoskey, E. Zakin. New York. 2009; Ethnic constructs in antiquity: the role of power and tradition / Ed. by T. Derks, N. Roymans. Amsterdam, 2009; Hansen M. Polis. An Introduction to the Ancient Greek City-State, Oxford, 2006.*

изменения под воздействием новых подходов к интерпретации политического бытия. Так, Д. Коген опирается на М. Фуко при анализе афинской судебной практики⁷, М. Оствальд исследует особенности суверенной демократии в Афинах V в.⁸, Дж. Обер показывает роль власти-знания для функционирования демократии⁹. Актуальный обзор конкурирующих подходов к пониманию политики в античном мире предлагается в работе Д. Хаммера¹⁰. Не без участия школы Л. Штрауса возникло холистское направление в изучении платоновских сочинений. Диалоги рассматриваются как целостное произведение, в котором значимы малейшие детали: от персонажей и «сценографии» до исторического контекста. Манифестом этой «новой волны» (автоним) можно считать сборник статей под ред. Дж. Пресса¹¹. Литературная форма и жанровые особенности диалогов также анализируются в монографиях Ч. Кана, К. Роу, С. Левин, в сборнике под ред. К. Джила и А. Микелини¹². Среди отечественных исследований следует отметить интерпретацию «Федра», предложенную Ю. А. Шичалиным¹³, а также монографию Т. Ю. Бородай, в которой анализируются концептуальные возможности семантики и метафоричности платоновских диалогов.¹⁴ Темой платоновского эзотеризма занимается «тюбингенская школа»: Х. Кремер, К. Гайзер, Т. Слезак.¹⁵ Новый взгляд на эту проблему предлагается в связи с «переоткрытием» философского эзотеризма Л. Штраусом. Оппозиция устного и

---

⁷ *Cohen D.* Law, Violence and Community in Classical Athens. Cambridge University Press, 1995

⁸ *Ostwald M.* From popular sovereignty to the sovereignty of law. University of California Press, 1986.

⁹ *Ober J.* Democracy and Knowledge: Innovation and Learning in Classical Athens. Princeton, 2010

¹⁰ *Hammer D.* What is Politics in the Ancient World? // A Companion to Greek and Roman Political Thought / Ed. by R. K. Balot. Blackwell Publishing, 2009.

¹¹ *Plato's dialogues: new studies and interpretations* / Ed. G. A. Press. Rowman & Littlefield, 1993.

¹² *Kahn Ch.* Plato and the Socratic Dialogue. Cambridge, 1998; *Rowe C.* Plato and the art of philosophical writing. Cambridge University Press, 2007; *Levin S.* The ancient quarrel between philosophy and poetry revisited. Oxford, 2001; *Form and argument in late Plato* / Ed. Chr. Gill, M. McCabe. Oxford, 2000; *Plato as author* / Ed. by A. Michelini. BRILL, 2003;

¹³ *Платон. Федр* / Общ. ред. и вступительная статья Ю.А.Шичалина. М., 1989.

¹⁴ *Бородай Т. Ю.* Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона. М., 2008.

¹⁵ *Krämer H.-J.* Arete bei Platon und Aristoteles: zum Wesen und zur Geschichte der platonischen Ontologie. Schippers, 1967; *idem.* Der Ursprung der Geistmetaphysik. Schippers, 1967; *idem.* Plato and the Foundations of Metaphysics. State University of New York Press. 1990; *Gaiser K.* Platons ungeschriebene Lehre. Klett-Cotta, 1998. *Szlezák T. A.* Platon und die Schriftlichkeit der Philosophie. Walter de Gruyter, 2004; *Слезак Т. А.* Как читать Платона. СПб., 2008. См. также дискуссию с участием Т. Сlezака и Дж. Феррари в указанном сб. под ред. А. Микелини.

письменного слова, базовая для «тюбингенцев», занимает центральное место в антиплатонической критике Ж. Деррида.

Неизменно пополняется список новых интерпретаций политической теории Платона. Но, если не считать известной книги К. Поппера (и переложения платоновского «Государства», выполненного А. Бадью), политические сочинения Платона редко становятся предметом сосредоточенного внимания крупного современного философа. Л. Штраус – редкое исключение, в некотором смысле подтверждающее правило. Признавая актуальность платоновской политической мысли, Штраус прочитывает центральные книги «Государства» с *иронией*, снижая их значимость. Однако в целом для постницшеанской традиции верно скорее обратное: молчание о Платоне-политике нередко обуславливается негласным признанием мощи созданной им онтологии, лежащей в основе современной картины мира. Платон-политик – противник по умолчанию, а невнимание к диалогу «Государство» компенсируется, особенно в послевоенной французской мысли, почти одержимым вниманием к репрессивной власти Государства Нового времени. Интерпретации Платона в современной европейской философии рассматриваются в работе И. А. Протопоповой, в монографиях Д. Хайленда, М. Статкивича, Дж. Саллиса, в сборниках статей под ред. С. Шанкмена и Б. Кассен¹⁶. Среди прочтений «Государства» в особую группу нужно выделить комментарии штрауссианской школы политической философии: А. Блума, С. Бенардета, С. Розена¹⁷. С позиции деконструкции диалог прочитывается в исследовании А. Офира¹⁸. Постницшеанская мысль (М. Хайдеггер, Х. Арндт, Ж. Делез, М. Фуко, Ж. Деррида) предложила множество оригинальных интерпретаций платоновской философии.¹⁹ Тем не менее, всеобъемлющая интерпретация «Государства», учитывающая существенные

---

¹⁶ *Протопопова И.* Λόγος ζῶων: Платон и Деррида // Синий диван, № 10-11, 2008. *Hyland D.* Questioning Platonism: continental interpretations of Plato. SUNY, 2004; *Statkiewicz M.* Rhapsody of Philosophy: Dialogues with Plato in Contemporary Thought. Penn State, 2009; *Sallis J.* Platonic Legacies. SUNY, 2004; *Plato and Postmodernism / Ed. St. Shankman.* Wipf, 2009; *Nos Grecs et leurs modernes / Ed. par B. Cassin.* Paris, 1992

¹⁷ *Bloom A.* The Republic of Plato. Basic Books, 1991; *Benardete S.* Socrates' Second Sailing, University of Chicago Press, 1989; *Rosen St.* Plato's Republic: A Study. Yale University Press, 2008

¹⁸ *Ophir A.* Plato's invisible cities: discourse and power in the 'Republic', Routledge, 1991

¹⁹ Важнейшие тексты: *Хайдеггер М.* Учение Платона об истине // Время и бытие. М., 1993. *Arendt H.* Philosophy and Politics // Social Research, 1 (57), 1990. *Делез Ж.* Платон и симулякр // Логика смысла. М., 1998. *Foucault M.* Le Courage de la vérité. Paris, 2009. *Деррида Ж.* Фармация Платона // Диссеминация. Екатеринбург, 2007.

результаты европейской политической мысли, пока отсутствует. Особый способ оценки политической значимости диалогов свойственен аналитической традиции, где первостепенное место занимает анализ отдельных этических пропозиций (см. книгу Т. Ирвина, работы Г. Властоса, влиятельное «Введение» Дж. Аннас)²⁰. Трудностью для исследователей, ориентирующихся на политическую модель современной либеральной демократии, оказывается отсутствие у греков концепции прав человека. Лишь относительно недавно возникло понимание того, что место закона в древнегреческом обществе мало изучено, а модели, основанные на римском праве, неприменимы.

Превратности истории наложили свой отпечаток на трактовку «Государства» в отечественной науке. Отношение А. Ф. Лосева к политической философии Платона в разные периоды советского времени заслуживает специального изучения: эмоциональное прочтение «Государства» в ранних «Очерках античного символизма» разительно контрастирует с отстраненной скупой оценкой диалога в стандартном издании сочинений Платона.²¹ Марксистский анализ дается в статье В. Ф. Асмуса.²² В последние годы появились новые интерпретации «Государства»: работа К. А. Сергеева и Л. С. Камневой (тема: Хайдеггер и Платон), энциклопедическая статья Т. Ю. Бородай, раздел монографии Т. В. Васильевой, статья И. А. Протопоповой.²³ Интересна заслуживает книга Ю. П. Михаленко «Политический идеал Платона в контексте реальной истории» (2003).²⁴ Автор считает, что теорию Платона нельзя считать утопической и указывает возможности ее демократического понимания. Книга имеет публицистическую направленность. Среди критиков Платона автор выделяет К. Поппера и Б. Рассела, поэтому авторский анализ в целом строится на жесткой оппозиции либеральной демократии и тоталитаризма. В данном диссертационном исследовании предлагается иной путь, учитывающий многообразие современного антиплатонизма.

---

²⁰ *Irwin T. Plato's Ethics. Oxford, 1995; Vlastos Gr. Socratic studies. Cambridge, 1994; Annas J. An introduction to Plato's Republic. Clarendon Press, 1981.*

²¹ *Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993; idem. Вводные замечания // Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 3. М., 1994.*

²² *Асмус В. Ф. Государство // Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 529-560.*

²³ *Сергеев К. А., Камнева Л. С. Сущность человеческого бытия в философии Платона // Платон. Государство. СПб., 2005. С. 5-158; Бородай Т. Ю. Платон // Античная философия: Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 565; Васильева Т. В. Путь к Платону. М., 1997. Протопопова И. «Государство» Платона – идеальный мимесис? // Логос. №4, 2011.*

²⁴ *Михаленко Ю. П. Политический идеал Платона в контексте реальной истории. М.: ИФ РАН, 2003.*

Цели и задачи исследования

Главной целью диссертационной работы является установление методов политического мышления в платоновских сочинениях раннего и среднего периодов, прежде всего в диалоге «Государство». В том числе решается ряд вспомогательных задач. Выделяются типы современной антиплатонической критики, демонстрируется их связь с платоновской мыслью и ведущими философскими направлениями. Выявляются схемы и принципы политического мышления Платона. Рассматриваются конкретные случаи применения разных типов мышления в избранных диалогах. Дается сквозная интерпретация «Государства», демонстрирующая искусное использование автором разнородных концептуальных средств для решения ключевых политических проблем своей эпохи. Указывается значение платоновского решения проблемы свободы и справедливости для современной политической мысли.

Методологические основания исследования

«Платоноведческий консенсус» сегодня состоит в том, что современная интерпретация платоновской политической философии оказывается неудовлетворительной без соблюдения двух условий: 1) учета исторического контекста и 2) экспликации актуальной значимости платоновской мысли. Без выполнения первого условия размышления Платона становятся жертвой формального анахронического анализа, без выполнения второго – заранее списываются в архив истории. Методологическая особенность данного исследования выражается в четком и последовательном выделении двух конкурирующих типов мышления, которые не только лежат в основе ведущих направлений современной философии и новейших политических теорий, но и во многом определяют подходы к исследованиям по античной истории и политике. Отдельные высказывания персонажей платоновских диалогов рассматриваются в диссертации не изолированно, но с учетом условий значимости этих высказываний, определяемых конкретными историко-политическими реалиями, «сценографией» диалога и характеристикой персонажей. Вопрос о развитии и этапах эволюции политической философии Платона выходит за рамки данного исследования, но предлагаемая интерпретация опирается на определенную хронологию платоновских сочинений. Важные положения, корректирующие традиционные представления, были высказаны в 1980-х гг. Х. Теслефом²⁵. В отечественном платоноведении сводка состояния вопроса, касающегося структуры,

---

²⁵ *Thesleff H.* Studies in Platonic Chronology. Helsingfors, 1982; *idem.* Platonic Chronology // *Phronesis*, 34. August, 1989.

аутентичности, жанровых особенностей, последовательности, академического и интеллектуального контекста сочинений платоновского корпуса, приводится в работах Т. В. Васильевой и Ю. А. Шичалина²⁶.

Научная новизна исследования

В работе представлены следующие результаты, претендующие на новизну:

- 1) Выделены две основные линии современной критики политической философии Платона, указана их связь с актуальной политической и философской проблематикой, соответствие определенным схемам мышления Платона («геометрическая» и «эротическая» необходимость), реализован перевод проблематики и решений Платона на язык современной мысли.
- 2) Политическая философия Платона представлена в многообразии способов мышления о человеческом бытии, специфическом для Древней Греции классической эпохи. Указаны исторические факты и новые методы исторического анализа, которые способны оказать существенную помощь в понимании политической философии Платона.
- 3) Предложена выборочная интерпретация диалогов Платона, учитывающая конкретные режимы речи, определяющие допустимость тех или иных высказываний. Это позволило установить моменты сознательного различения автором нормативности и исключительности высказываний, использования разных языков мышления для драматизации и радикализации политической проблематики своей эпохи. Дано новое толкование сократовского вопроса о добродетели как вопроса о бытии лучшего, то есть о принципах использования искусным мастером или политиком своей суверенности.
- 4) Политическая мысль Платона направлена на решение вопроса о справедливости, который описывается как установление принципов перехода между логикой различия (то есть обретения аномальной свободы) и логикой репрезентации (то есть утверждения нормативной власти в пределах сообщества).
- 5) Предложена интерпретация «Государства», в которой показано, как Платон философски решает проблему справедливости благодаря сочетанию того, что он называет «геометрической» и «эротической» необходимостью. В то же время философ учитывает господствующие типы мышления о справедливости, характерные для своей эпохи (религиозный, евномический, реально-политический, трагический, социально-консервативный).

---

²⁶ *Васильева Т. В.* Путь к Платону. М., 1997; *Шичалин Ю. А.* История античного платонизма в институциональном аспекте. М., 2001. С. 129-131.

- 6) Дана новая интерпретация вопроса об осуществимости справедливого полиса. «Государство» – реалистичный колониальный проект. В IV в. до н.э. планы по основанию новой колонии выдвигались многими афинскими интеллектуалами и политиками. Энигматические слова автора об осуществимости «полиса в словах» вписываются в традицию оракулов о легендарных основаниях реальных греческих городов.
- 7) Очерчена структура «Государства», учитывающая разнообразие политических логик и проблем. Указано и объяснено наличие нескольких типов политического мышления и двух «аполлонических» кульминаций в этом диалоге.
- 8) Предложена интерпретация «стайной» общности стражей, описываемая в V книге «Государства», в контексте исторических реалий своей эпохи и современной мысли.
- 9) Дан новый взгляд на платоновскую критику искусства в X книге «Государства».
- 10) Предложена интерпретация философского раздела (V-VII книги) «Государства». Показана связь проблематики знания, блага и суверенности. Представлено новое толкование «символа пещеры» (VII книга).

Положения, выносимые на защиту:

- 1) Политическое мышление Платона сочетает в себе две специфические логики мышления, логику репрезентации (нормы) и логику различия (исключения). Эти логики лежат в основе двух ведущих направлений философии XX в., внутри каждого из которых возникает свой вариант современного антиплатонизма.
- 2) Главная тема «Государства» Платона – проблема справедливости – равносильна проблеме взаимоотношений философских логик репрезентации и различия. Для Платона это вопрос о совместимости свободы, своего блага и справедливости в политическом сообществе.
- 3) В сочинениях раннего и среднего периодов Платон использует возможности логики различия для решения проблемы аномальной свободы в многообразных коммуникативных ситуациях. Он фиксирует особенности политического устройства Афин классической эпохи, определяет тогдашний режим как «тиранию риторики», показывает двусмысленность интеллектуальной власти софистов и риториков, ведущей к забвению политической добродетели, обеспечившей процветание афинской демократии. Вопрос о знании добродетели, связанный с проблемой автономного бытия лучшего, играет важнейшую роль в критике политических оснований «золотого века» афинской демократии при Перикле.
- 4) Политическая реальность, согласно Платону, разнородна, ее сложная структура обуславливается различиями как в природной силе, так и в степени владения знаниями

или искусствами. Существующие политические режимы не позволяют людям достигать своего блага, они несправедливы и порочны. Только философ способен быть свободным и справедливым. В свободной речи философа осуществляется диалектический переход от единства аномальной свободы к справедливому распределению сущего.

5) Платон создает справедливую политику, ориентируясь на ряд «естественных» различий: цивилизационное (эллыны и варвары), политическое (обычная и интенсивная жизнь), философское (стражи и цари-философы). Два внутриволисных различия порождают три несоизмеримых образа жизни (нормальный, воинственный, философский), справедливое сочетание которых образует идеальную политику.

6) Первый, «арифметический», набросок справедливого полиса описывает аполитичное существование обычных людей, включенных в экономические отношения. Второй набросок, в котором представлены воинственный и философский образы жизни, комбинирует уже две политические логики (репрезентации и различия). Этот набросок состоит из двух частей, из двух логосов, каждый из которых обращен к своей публике. В первой части предлагается программа воспитания стражей, ведущая к интенсивному, но упорядоченному, «геометрическому», образу жизни. Во второй части рассматриваются два вида «эротического» отклонения от социальных норм: «стаяная» общность стражей и философское стремление к знанию.

7) В описании справедливого полиса в «Государстве» Платон использует весь доступный инструментарий политического мышления своей эпохи. Он принимает во внимание ведущие способы интенсификации человеческого бытия, возможности воспитания, селекции, мифотворчества и конструирования социальной памяти. Он преодолевает софистические схемы политического мышления и бросает философский вызов искусству.

8) Политические проекты Платона суть закономерное следствие его взглядов на политическую проблематику своей эпохи и его понимания философии. На фоне других политических проектов, предлагавшихся афинскими интеллектуалами IV в. до н. э. в рамках официальной политики возвращения колоний, утраченных Афинами в ходе Пелопоннеской войны, «Государство» можно интерпретировать как колониальный проект, претендующий на осуществимость. Загадочные слова автора об осуществимости проекта помещают «Государство» в контекст легендарных историй об основаниях полисов.

Теоретическая значимость. Результаты исследования будут полезны в лекционных курсах и научных изданиях, посвященных изучению платоновских сочинений, проблемам античного политического бытия и истории древнегреческой и современной философии.

Практическая значимость. На основе представленной диссертационной работы можно подготовить и издать новый комментарий к «Государству» Платона.

Апробация работы

Диссертация была обсуждена на заседании сектора античной и средневековой философии и науки Института философии РАН. Отдельные положения диссертации были представлены в выступлениях на конференциях: «Непереводимость в философии и культуре», МГУ, Москва, 26.04.11; «Философия свободы», философский ф-т НИУ ВШЭ, Москва, 14.06.11; на круглом столе «Свобода и коммуникация», философский ф-т НИУ ВШЭ, Москва, 15.06.11.

III. Структура и содержание исследования

Текст диссертации состоит из введения, трех глав с подразделами, заключения и библиографии. В первых двух главах, имеющих вводный характер, приводятся ключевые историко-философские сведения, определяются термины, принципы и цели последующей интерпретации, формулируется основная гипотеза, проверяемая в ходе исследования. Затем в самой большой по объему, третьей, главе предлагается сквозная интерпретация «Государства» Платона.

Глава 1. Философский, политический и исторический контексты интерпретации «Государства» Платона. В первой части главы (1.1 Современный антиплатонизм) представлен вводный материал, позволяющий не только указать на актуальность темы исследования, но и продемонстрировать значение новой интерпретации платоновской философии в контексте разделения философской мысли XX в. на два ведущих направления. В современной критике платонизма выделяются два лагеря, которые можно связать с именами К. Поппера и М. Хайдеггера. Эти два варианта антиплатонизма критикуют греческого мыслителя не просто с противоположных позиций, но на разных языках мышления, в основе которых лежат разные логики мышления. Слово «логика» употребляется в данной работе в широком смысле, оправданием чему служит спор о логике (например, между Р. Карнапом и М. Хайдеггером), сопровождавший разделение философии XX в. на два направления, одно из которых иногда называется аналитической философией или философией науки, а другое – «континентальной» философией. Эти названия не отражают формальной природы расхождения, поэтому далее (с опорой на Р. Рорти, Ж. Деррида и др.) говорится о расхождении между двумя философскими логиками – репрезентации и различия. На основе первой строятся нормативные размышления в философии и политике, создается *репрезентация* сущего. На основе второй предлагается мыслить о преодолении норм, исключениях из правил и аномалиях, утверждается *различие* с некоторой установленной репрезентацией. При этом ставятся и решаются два разных типа философских и политических проблем. В логике

репрезентации решается проблема *справедливости в сообществе* (например, как в книге Дж. Ролза «Теория справедливости»), в логике различия решается проблема *аномальной свободы* в условиях господства некоторой политической репрезентации. Аномальной такую свободу следует назвать потому, что в логике репрезентации также ведутся рассуждения о свободе, но в этом случае свобода непременно связывается с нормами закона (*nomos*), почти синонимично говорится о «правах и свободах». Схизма между двумя ведущими направлениями философии говорит об отсутствии современного философского языка, на котором можно одновременно вести речь о свободе и справедливости. В данной диссертации поэтому проверяется следующая основная гипотеза (ОГ): *Платон намеренно использует в своих сочинениях как логику репрезентации, так и логику различия, поскольку решает проблему взаимоотношений между языками аномальной свободы и коммунитарной справедливости. «Государство» – образец решения этой проблемы.* Проверка гипотезы учитывает, что большинство платоноведческих исследований ориентируется на ведущие философские направления, в результате чего возникают два отчетливо выраженных типа работ, которые можно разделить на *анализ* и *интерпретацию* текстов, поскольку они выполнены в духе аналитической либо «континентальной» (постнищешанской) традиции. Чтобы выявить в текстах Платона элементы обеих логик, необходимо использовать как аналитические, так и интерпретативные результаты. В данном исследовании избирается следующий способ проверки основной гипотезы: с опорой на осмысление «политического» в постнищешанской традиции в сочинениях Платона рассматриваются моменты перехода от утверждения аномальной свободы к справедливой репрезентации политического многообразия. Поэтому в третьей главе диссертации предлагается именно *интерпретация* «Государства», в которой типичные «континентальные» схемы мышления сочетаются с результатами научных исследований по античной истории и политике. Во втором разделе главы (1.2) приводятся необходимые факты, составляющие исторический фон творчества Платона, дается краткий обзор тенденций в изучении античного политического бытия. Как и все предшествующие эпохи, современность создает свой образ Античности²⁷. Происходит расставание с классическим «афиноцентризмом» в понимании «политики у греков». В результате образ Античности в начале XXI в. значительно отличается от того набора сведений и концепций, на который ориентировались представители «века антиплатонизма». В финале первой главы подробно

---

²⁷ См. *Tigerstedt E. Interpreting Plato. Almqvist, 1977. Salkever St. Introduction // The Cambridge companion to Ancient Greek political thought. Cambridge, 2009.*

рассматриваются такие важные для интерпретации «Государства» историко-философские темы, как софистическая антитеза природы и закона (1.2.2), политические аспекты суда над Сократом (1.2.3), биография и политическая активность Платона (1.2.4).

Глава 2. Политика в сочинениях Платона раннего и среднего периодов

В этой главе приводится конспективный обзор «Апологии Сократа» и некоторых платоновских диалогов, датируемых 395-365 гг., – именно в этот тридцатилетний период создавался текст «Государства».²⁸ Как показано в «Апологии Сократа», знание, которое Сократ тщетно ищет в полисе, не подчиняется распределению на области профессиональных занятий. Единственное знание, интересующее Сократа, носит интенсивный характер (в «Пире» Сократ признается, что не знает ничего, кроме эроса). Сократ отдает приоритет интенсивному образу жизни перед обычной жизнью «в спокойствии и молчании», он утверждает, что жизнь, не подвергшаяся исследованию, не достойна человека (38a). В «Апологии» встречаются элементы двух несоизмеримых логик: логика судебной защиты и логика исключительной жизни (Сократ). В «Горгии» эксплицируется отличие Сократа – единственного подлинного политика – от деятелей официальной афинской политики. Горгий, Пол, Калликл по очереди подчиняют беседу условиям непреодолимого для себя режима высказываний, обнаруживая свою зависимость от внешних условий. В диалоге утверждается множественность человечества как множественность искусств. Искусность наделяет суверенностью в своем домене опыта, поскольку позволяет игнорировать вероятность. Тщательно скрываемая тайна афинской политики состоит в том, что в демократическом полисе правят риторы и софисты. Ритор вынужден скрывать свою силу, риторика обслуживает политику. Сократ также владеет искусством, позволяющим ему добиваться успеха вопреки вероятности: он отстаивает парадоксальные тезисы. Главный противник Сократа – Калликл полагает, что философией следует заниматься в меру. Хотя Калликл понимает необходимость обладания знанием, свободным от господствующих представлений, его позиция остается «угоднической» (521a). Сократ – единственный, кто стремится к истине. Действие в этом диалоге прекрасно иллюстрирует диалектическую схему решения задачи аномальной свободы и справедливой репрезентации, представляемую позже в «Федре». В первом движении диалектики Сократ преодолевает репрезентации реальности, связывающие его собеседников, собирая все политическое многообразие в единстве своей аномальной свободы. Во втором движении диалектики Сократ устанавливает справедливую репрезентацию сущего. Право на суверенную речь возникает после диалектического

---

²⁸ *Thesleff H. Studies in Platonic Chronology. P. 237.*

испытания. «Горгий» заканчивается мифом, то есть суверенной речью, которую вынуждены принять собеседники. Пример справедливости в «Горгии» – *космос, дружески объединяющий различия*: «небо и землю, богов и людей» (508a).²⁹ Суверенный модус мышления из финала «Горгия» разворачивается в «Государстве». В «Протагоре» критикуются политические основания перикловых Афин. Бытие лучшего (ἄριστος), знание своего блага (τὸ ἀγαθόν) и обладание добродетелью (ἀρετή) прямо связаны между собой. Если афиняне лучшие среди греков, им незачем учиться добродетели у софистов. Успех софистов ведет к забвению истока афинской свободы (мужество воинов), к потере демосом своей суверенности. Вопрос о добродетели, о бытии лучшего, – критический вопрос, разрушающий конструкцию политического бытия эпохи Перикла. «Учителя добродетели» материально заинтересованы в постепенной деполитизации афинского общества, где правит экономический расчет. Для постнищанцев «Гиппий Большой» – образец репрессивного платонизма, где Сократ навязывает Гиппию свою эстетическую репрезентацию сущего, спрашивая его: «Что есть прекрасное?». Но каждый ответ Гиппия всегда связан с некоторой внешней санкцией. Сократ называет мотив своего исследования: его вопрос «Что есть *x*?» – это производная форма вопроса об основаниях знания. События основной части диалога «Пир» датированы автором: пир проходит на следующий день после первой победы Агафона в состязании трагиков, то есть в феврале 416 г.³⁰ Указывая точную дату беседы, Платон «реконструирует» афинскую историю, обнаруживая ключевые различия в ее поворотный момент (Сицилийская экспедиция, 415 г.). Главные герои диалога: Алкивиад, следующий лишь своему желанию политик с непомерными амбициями, и Сократ – мудрец, не знающий ничего, кроме желания (τὰ ἐρωτικά, 177e). Связь эротики и политики – основа афинской политики.³¹ Фукидид объясняет роковое стремление снарядить провальную экспедицию тем, что граждан охватило эротическое желание воевать (ἔρως ἐνέλεσε, «История», VI 24.3). Желание решало судьбу афинской империи, оно было манифестацией воли большинства, подтверждением суверенной власти народа. В первой же из речей в честь Эроса, которые по очереди произносят участники пира, Федр указывает на изначальную связь эротики и политики. Любовь сама внушает основы интенсивного, «прекрасного» существования, без которого невозможен полис. Федр говорит о государстве и войске, образованном из

---

²⁹ Эта «четверица» воспроизводится в хайдеггеровской: «земля и небо, божества и смертные» (Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие. С. 324).

³⁰ Nails D. The People of Plato. Indianapolis, 2002. P. 9.

³¹ См.: Ludwig P. Eros and Polis: Desire and Community in Greek Political Theory. Cambridge, 2002.

влюбленных, и обосновывает его непобедимость (178e-179b). Женщины не менее самоотверженны и мужественны в любви, чем мужчины. Эти положения повторяют ключевые моменты V книги «Государства». Проявлением эллинской свободы, недоступным пониманию варваров, Павсаний называет особые любовные отношения, гимнастику и философию (ср. «Государство», V книга). Следующий оратор, Эриксимах, – врач, он представляет логику врачебного искусства, которое трактует человеческое желание как эротический порыв, свойственный всему на свете: животным, растениям, всему сущему. Эрот-политик покровительствует земледелию, гимнастике и музыке. Агафон приписывает Эроту четыре качества (присущие в «Государстве» «идеальному полису»): справедливость, рассудительность, мужество и мудрость. Эрот – начало политического единства, причем, эллинского типа, основанного на свободе и искусствах. Наставление Диотимы считается типичным образцом «платонизма», который критиковали за догматизм. В ее речи девальвируется ценность феноменального мира, человеческой жизни, повседневных занятий. Все усилия человека должны быть направлены на созерцание прекрасного самого по себе, божественного, неизменного и бестелесного. «Теория», то есть созерцание прекрасного, становится образом жизни созерцающего и дарует бессмертие. Но важную параллель к словам Диотимы составляет фукидидовское описание дебатов о Сицилийской экспедиции («История», VI 24.3). Обеспеченное богатством и властью мощное, «динамичное», желание афинян приказывает начать войну, внушает иллюзорную надежду на спасение во всякой опасности, подвигает на «теоретический образ жизни», заставляя пренебречь делами полиса ради того, чтобы поглядеть на дальние страны, и обещает «вечный» источник благополучия. Фукидид расценивает это как «гюбрис», дерзость. Платон не волен в том, чтобы приписать желанию избыточность или недостаток: эрос аномален сам по себе, эротическое желание заставляет людей преступать любые политические границы. Платон лишь переориентирует эротическое желание, понимаемое как стремление к прекрасному, но не ограничивает его, напротив, дает ему стремиться к «прекрасному самому по себе».

В «Федре» беседа выносится за пределы городской стены: это «выход» из-под власти полиса, уместное пространство для Сократа, которого Федр характеризует как «самого неуместного», «атопичнейшего» (ἀτοπώτατος, 230c). Как и в «Пире», основу диалога составляют речи о любви. «Федр» начинается с полного поражения эротического стремления в состязании со словом. В речи Лисия, которую произносит Федр, утверждается, что возлюбленный должен больше угождать невлюбленному, чем тому, кто влюблен. Сократ принимает вызов Лисия и импровизирует речь на тот же сюжет, внося существенное изменение в мотивы *автора* слова. Эта свобода уклонения от заданного

режима способна увлечь, поэтому Сократ испытывает «божественное состояние», *пафос* (238c). Однако свою первую речь Сократ все же считает «проступком» (242d), поскольку речь должна свободно утверждать желание (ср. ἐλεύθερον ἔρωτα, 243c), а не довольствоваться скрытым уклонением от навязанного образца. Вторая речь Сократа – это похвальное слово влюбленному. Отрицание предшествующего рассуждения строится на утверждении божественной и благой природы неистовства. Рождается *свободная речь*, но не как грубое пренебрежение политическими условиями речи, а благодаря неодолимой силе свободного различия, преодолевающего самые искусные репрезентации (ср. 259ab). Свободная речь – выражение эзотерического неистовства, охватывающего влюбленных. Она поддерживает себя, увлекая философским энтузиазмом все новых и новых друзей. Философы – вожди, поэтому им приходится законодательствовать для тех, кто не способен увлечься энтузиазмом свободы. Но если свободная речь поддерживает сама себя, то как сохраняет силу слово справедливых законов, которое используют всемогущие, «богоравные», правители и творцы речей? Так, Солон установил в Афинах законы, которые в конце V в. воспринимались как идеал, обеспечивший процветание полиса, но злоупотребление толкованиями «отеческой политики» со стороны противоборствующих фракций привело к политической катастрофе. Свободная речь подобна живому существу, части которого соответствуют друг другу и целому, развивающемуся благодаря божественному отклонению от установленного законом (ὕπὸ θείας ἐξαλλαγῆς τῶν εἰωθῶτων νομίμων γυνομένη, 265a). Свободная речь последовательно использует два диалектических приема: 1) сведение множества к единой идее; 2) разделение на естественные составные части, «органы» (ἄρθρα, 265e), которые можно усмотреть в многообразии, сведенном к единству тела. Первый прием – «эротический», второй – «геометрический», порождающий «органическую», то есть *справедливую по природе* репрезентацию сущего. Задача сочинителя свободной речи – сохранить все органы тела в целостности, не раздробить их законотворческой логикой. Единый политический логос разделяется на множество логосов, каждый из которых обращен к своему естественному слушателю.

После прочтения сочинений раннего и среднего периодов в заключительном разделе второй главы (2.7) формулируются принципы политического мышления Платона, на которые ориентируется интерпретация «Государства».

- 1) *Политический успех основан на различии*. Политика говорит на разных языках с разными людьми, ориентируясь на их способность к различию («Федр»).
- 2) *Профессиональная власть-знание*. Искусство может использоваться на пользу или во вред. Справедливость зависит от добродетели лучшего в этом деле.

- 3) *Политическая множественность*. Различия и неравенства расщепляют политическое единство. В полисе всегда действует множество режимов истины.
- 4) *Политическое единство*. Всегда существует высший режим сведения политического множества в единство, которое является полисом.
- 5) *Тирания риторики, забвение суверенности*. В второй половине V в. в Афинах возникает «тирания риторики» («Горгий»). Афиняне не справляются с положением лучших среди греков, начинают злоупотреблять политическим преимуществом.
- 6) *Природа политического различия: вопрос о добродетели*. В этой ситуации Сократ ставит вопрос: «Что такое добродетель?», – то есть: «Что такое бытие лучшего?» («Протагор»). Этот вопрос связан с исторической ситуацией, задается из «фактичности» бытия в расхождении с благодушной атмосферой своей эпохи.
- 7) *Политическая суверенность*. У лучшего нет иных ориентиров, кроме самого себя, его свобода аномальна, а его знание автономно. Единственное благо, которое он знает, – собственное, отвечающее своей природе и своему желанию.
- 8) *Мнение и знание*. Мнение – это навязанное или подаренное понимание блага, знание – собственное понимание блага. Знание всегда суверенно, поэтому оно безошибочно и ему нельзя научить логически.
- 9) *Интенсивная жизнь*. Человеческое бытие – это проверка. Непроверенная жизнь недостойна того, чтобы ее прожить («Апология Сократа»).
- 10) *Свобода и суверенность*. Вместе с обретением свободы человек становится лучшим, у него появляется сила и возможности утверждать свое благо и свое знание. Но различие дает власть, которой можно воспользоваться по-разному.
- 11) *Активная и реактивная силы*. Подлинная свобода свойственна лишь активной силе. Упорство в отрицании навязанных представлений свидетельствует о реактивной силе, которая неизбежно приводит к тирании либо к угодничеству.
- 12) *Эротическое желание*. Символ политической силы у Платона (и у греков вообще) – эрос, влюбленность, преодолевающая все препятствия. Эрос может быть как божественным, так и тираническим.
- 13) *Истина рождается в споре активных сил*. Истина не нуждается во внешней референции, она свободна от логических обязательств и не нуждается в обосновании.
- 14) *Политическая динамика*. Реальность конституируется встречей и испытанием различных сил. Политическое бытие динамично, подвижно. Политическое мышление должно не просто предложить неподвижную структуру политического бытия, но учесть также возможности аномального становления, выходящего за пределы дозволенного.

15) *Проблема справедливости*. Почему лучший справедлив? Почему лучший не тиран? Вопрос о справедливости можно адресовать только лучшему, поскольку все остальные в данной сфере политического бытия неизбежно ориентируются на установленные извне нормы справедливости.

16) *Реактивная сила справедлива лишь конвенционально, а значит она несправедлива по природе*. Если лучший поступает несправедливо – это значит, что он тиран, которому недоступно автономное понимание блага, он способен утверждать себя только через попрание общепринятых норм.

17) *Философская справедливость*. Диалектика – это справедливое мышление лучшего. У лучшего есть власть над всеми режимами истины, он может их охватить и подчинить единству, ориентируясь на суверенное понимание блага. Но у диалектики есть второй этап: разделение единства на множество. При этом диалектик ориентируется на *естественные (органические) различия*, указывающие благо других. Для философа между свободой и справедливостью нет противоречия или несовместимости.

18) *Свободная речь*. При переходе от свободного единства к политическому множеству, рождается логос, в котором устанавливается справедливый распределительный закон.

19) *Реальность философии*. Внимание к различию между логикой и политикой – критерий «реальности философии» (М. Фуко). Платон политический реалист.

Глава 3. Интерпретация «Государства»

В этой главе предлагается сквозная интерпретация основного политического сочинения Платона. Ее предваряют разделы (3.1-3.4), в которых рассматриваются вопросы и свидетельства, касающиеся названия, разных редакций текста, композиции, персонажей, времени и места действия диалога.

«Государство» в целом можно определить как суверенный логос, в котором излагается справедливая репрезентация политического многообразия согласно его естественной структуре, выявляемой в результате некоторого испытания свободы. Это испытание предлагается в I книге «Государства» (раздел 3.5), где Сократ оспаривает тезисы о справедливом, представляемые тремя его собеседниками – Кефалом, Полемархом и Фрасимахом. Они воплощают общеэллинские типы политического бытия: Кефал представляет религиозно-экономический, Полемарх – евномический (колониционный), Фрасимах – «реально-политический». По сути это «моментальный снимок» основных форм политического мышления «золотого века» афинской демократии. Диалог обнаруживает силу и слабость каждого типа и указывает причину кризиса этой политики. Задача, которую предстоит решить основателям справедливого полиса, исходя из этой фактичности, предложить органическое распределение политического многообразия, при

котором каждому дается шанс на свободное достижение своего блага. Области свободы выявляются в испытании. Кефал отказывается от спора с Сократом, позиция благочестивого старца обнаруживает пределы последующего политического рассуждения: божественная справедливость, экономический расчет, бесстрастная жизнь. Все это – нейтральная граница политического бытия. «Государство» начинается с описания религиозного праздника и заканчивается историей Эра о посмертных странствиях человеческих душ. Тема экономической жизни полиса практически не обсуждается в диалоге. Если Кефал представляет нейтральную область, свободную от человеческих страстей, где справедливость подчиняется почти арифметическому расчету, ей соответствует «первый набросок» справедливого полиса, где проблема справедливости разрешается чисто логическим способом. Этот план предлагается во II книге, но отвергается собеседниками Сократа, презирающими жизнь лишенную страстей. Сын Кефала Полемарх стремится к политической жизни, но признает силу благого руководства, его живо интересуется определением справедливости, позволяющее устанавливать пропорции между разными сферами бытия. Это «геометрическая логика» нормы. Фрасимах – пример тиранической натуры, его образ сходен с образом Калликла из диалога «Горгий». Позднее в «Государстве» тирану приписывается обладание необузданным желанием, тираническим эросом. Проблема тирании и «эротической логики» оказывается в центре внимания собеседников. Согласно определению Фрасимаха, справедливое – это полезное сильнейшему. Своим поведением он пытается показать, что сила полностью подчиняет слово. Противоположную позицию представляет Сократ в I книге, где, как и в «Протагоре», он рассуждает софистически и утверждает абсолютную власть логики над силой в условиях дружеской беседы. Три собеседника Сократа – три степень интенсивности власти желаний над человеком. Кефал – нулевая степень, Фрасимах – крайняя степень, Полемарх – промежуточный вариант. Поэтому справедливый политический логос разделяется на две разнородные части, в каждой из которых используется особый тип рассуждения, обращенный к своей аудитории. В центральных книгах «Государства» (V-VII) рассматривается политический радикализм – проблема Фрасимаха (или Калликла). Проблема Полемарха решается с меньшими философскими усилиями, но не менее подробно в II-IV книгах. Двум типам политических логик (геометрической и эротической) соответствуют две «аполлонические» кульминации диалога: одна в IV книге, когда Аполлон (бог колонистов и евномии) называется единственным законодателем справедливого полиса, а другая в VI книге, когда Главкон призывает того же Аполлона стать свидетелем невероятного «перескока» (буквально: «гиперболы») после слов Сократа о том, что идея блага – *по ту сторону* существования.

Суверенная речь решает проблему справедливости, которая получает удовлетворительную формулировку только во II книге (раздел 3.6). Между I и II книгой происходит намеренный авторский сдвиг датировки событий в диалоге. Собеседниками Сократа становится младшее поколение афинян – братья Платона Главкон и Адимант. Судя по упоминанию битвы при Мегарах, беседа происходит уже после 408 г., перед самой политической катастрофой – поражением Афин и установлением протеспартанской тирании Тридцати. Поколенческий сдвиг важен для Платона, поскольку здесь проявляется непредсказуемая природа политики: переход от отцов к сыновьям связан с риском для установленной политики (в VIII книге именно по этой схеме девиантного «наследования» проходят метаморфозы «больных» режимов). Речь Главкона – образец рассуждения в логике аномалии и различия. (Некоторые комментаторы поэтому отказываются его понимать: Дж. Аннас, Т. Ирвин). Главкон рассказывает о лидийском пастухе, который становится обладателем волшебного кольца невидимости. Это отличает пастуха от других людей, обеспечивая ему политическое преимущество, которое он корыстно использует: захватывает власть в Лидии и безнаказанно творит несправедливость. Можно сказать, что пастух – «лучший» среди людей по невидимости и безнаказанности. Почему такой лучший справедлив, почему свободный не тиран? В этой радикальной формулировке проблема справедливости связывается с проблемой бытия лучшего, то есть с добродетелью и знанием своего блага. Лучший свободен безнаказанно делать что угодно. Главкон и Адимант в итоге формулируют задачу исследования о справедливости. Исходная посылка: всякий человек по природе стремится к своему благу. Но в этом также исток несправедливости, ведь стремление к своему благу приводит к несправедливости по отношению к другим людям. Вследствие этого возникает конвенциональная норма справедливости (законы). Однако конвенциональная справедливость ущербна, ведь она «чужое благо». Задача, которую необходимо решить Сократу: удовлетворительное определение справедливости должно следовать из исходной посылки (стремления к своему благу), а не из конвенциональных установлений. Но это возможно только в «естественной» политике. После того, как определены господствующие типы политического мышления (I книга), различные понимания своего блага соотносятся с тремя сословиями идеального полиса. Переход из одного сословия в другое связан не с нормой права, но с проверкой природы человека. «Нормальные» люди, не стремящиеся к крайностям, образуют экономическое сословие, где правит арифметический расчет и не предусмотрено испытания. Такие люди с готовностью принимают установленные правила политического бытия. Первый «набросок» идеального полиса, примитивное сообщество «потребностей», демонстрирует как решить задачу справедливости для нормальных

людей. Во втором наброске «нормальным» людям и экономике почти не уделяется внимания. Но люди, стремящиеся к интенсификации своего бытия, к испытанию своей свободы, становятся воинами и стражами. Но почему стражи поступают справедливо по отношению к нормальным людям? Это повторение основного вопроса о справедливости в частном случае. Проблема решается с использованием двух политических логик – геометрической и эротической. В начале III книги описывается автономная политическая жизнь воинов, презирающих смерть и лишенных привязанности к экономической собственности. Этот образ жизни, основанный на сильном понимании свободы как абсолютной суверенности. Этому пониманию свободы в VIII книге противопоставляется слабая демократическая свобода как вседозволенность, не предполагающая вызова или испытания. Жизнь стражей подвергается дисциплинарной ритмизации, воспитанию, позволяющему оградить их от конфликтов с согражданами. Для людей типа Полемарха, этого вполне достаточно. Теперь возможна колонизация, поэтому политическое сословие обретает территорию, становится полисом. Сократ описывает план захвата власти по традиционной для V-IV вв. до н. э. схеме «повторной колонизации». Такой захват легитимируется автохтонным мифом, образец которого предлагается в «Государстве» – это миф о «земнородных» людях. Этот миф также суверенная речь, как и «Государство» в целом, поэтому в этой связи в диссертации делается специальное замечание о политическом *эзотеризме*. Тема «неписанного учения» Платона получила разработку в так называемой «тюбингенской школе». В диссертации предлагается альтернативный взгляд на проблему: эзотеризм неизбежно возникает вследствие гетерогенной сложности политического слова (ср. «Федр»). В IV книге после мимолетного внимания к экономической стороне жизни в справедливом полисе провозглашается власть Аполлона, дельфийского бога колонистов. Обычные законы основатели государства отвергают. Сократ дает итоговое определение справедливости (заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие дела, τὸ τὰ αὐτοῦ πράττειν καὶ μὴ πολυπραγμονεῖν, 433a). После чего рассуждение, казалось бы, подходит к своему завершению. Сократ предлагает рассмотреть порочные политические режимы. Однако не все воинственные люди такие, как Полемарх. Проблема Фрасимаха еще не разрешена. Поэтому в V книге Сократ переходит от логики геометрической к эротической необходимости и решает проблему политического радикализма. Он описывает «стайную» общность воинов, их аномальное политическое бытие, несовместимое с жизнью «нормальных» людей. Именно эта природная несовместимость гарантирует естественную, а не просто логическую или правовую устойчивость политики. «Нормальному» человеку просто не захочется жить жизнью стражей, которая вызывает у него смех или отвращение. Эти две эмоции, которые

обычно вызывает V книга у большинства комментаторов (Дж. Аннас, Л. Штраус) и читателей, входят в авторский замысел: они отмечают природные границы между сословиями, которые невозможно выразить логически. Так политический логос центральных книг «Государства» сам отбирает своего читателя. «Стайная» общность стражей – аномалия, но она получает прояснение в современной философской мысли об экстраординарной свободе, ее можно сопоставить с концептом Ж. Делеза «номадическая машина войны» и с описанием асоциального бытия киников, с «воинственной жизнью», о которой говорил в последнем лекционном курсе М. Фуко. Обладание своим благом, возможность удовлетворения своих природных желаний, избавляет воинов от стремления к тирании, поскольку быт «нормальных» людей не вызывает у них интереса. Особенное достижение Платона – введение в структуру справедливого полиса еще одного различия: между воинами и философами (конец V книги, раздел 3.7). Ведь, например, отказ от суверенной речи в послевоенной постницшеанской мысли связан с недоверием к политической роли философии. Р. Рорти также отдает предпочтение демократии перед философией.³² Как философ может использовать власть, обеспечиваемую его отличием в мысли? Ответ Платона – философ основывает полис, то есть решает проблему справедливости. Бытие философа также аномально, как и бытие воина. Стремление философа направлено к знанию. Общественное многообразие в итоге состоит из композиции трех несоизмеримых образов жизни: нейтрального, воинственного и философского, каждому из которых свойственно свое понимание блага, поэтому предложенное политическое устройство справедливо. Политическая логика «Государства» достигает своей кульминации в VI книге, когда Сократ предлагает три знаменитых символа, которые пользовались повышенным вниманием в истории мысли. Для некоторых комментаторов (М. Хайдеггер, Х. Арндт) почти вся философская ценность «Государства» заключена в этих центральных пассажах диалога. Такой взгляд ошибочен, хотя и симптоматичен. Игнорируя предшествующие рассуждения, комментаторы редуцируют замысел Платона до схематичного «платонизма». В этих символах важно то, что они появляются только лишь в середине диалога. Три центральных символа – момент переключения с одного движения диалектики на другое (см. «Федр»), поэтому в символах различимы элементы обеих политических логик Платона: свободного различия и репрезентации сущего. Идея блага не трансцендентна и не трансцендентальна (как полагали неокантианцы, например, П. Натопф). Идея блага была вполне удовлетворительно истолкована М. Хайдеггером в лекционном курсе 1934 г.

---

³² Rorty R. *Philosophical Papers*. Vol. 1. Cambridge University Press, 1991.

«О существе истины». Здесь Хайдеггер понимает идею как «просвет» и отказывается толковать благо как моральное добро. Благо – это «свое благо», оно утверждается суверенностью. Однако Хайдеггер теряет связь между идеей блага и бытием лучшего (см. «Протагор»), вопросом о добродетели и проблематикой справедливости, что становится роковым для политической активности самого немецкого философа. Удвоенный режим обучения (Сократ преподает Главкону урок воспитания нового философа) определяет стилистику представления символа пещеры (VII книга). Люди в пещере, потенциальные ученики, абсолютно пассивны: неподвижны, в оковах. Истина узников конвенциональна, она следствие правил, законов и установлений. Природные способности потенциально свободных людей заключены в «оковы». Проблема философского воспитания в том, чтобы, освободив узника от оков, не сделать его тираном. Сократ описывает программу воспитания царей-философов, вся жизнь которых проходит в испытаниях свободы и политического мышления о справедливости. Большое значение при этом придается точным наукам, но венчает иерархию наук диалектика.

В VIII книге (раздел 3.8) описываются метаморфозы порочных режимов, не способных решить проблему справедливости. Критика демократии у Платона предвосхищает современную критику общества потребления. Особое место занимает интерпретация тирании и бытия тирана, потому что в этом режиме проблема справедливости предстает в радикальной форме: тиран – «лучший» в своем полисе, он свободно творит несправедливость, но счастлив ли он? Счастье – это обладание своим благом, «чистым удовольствием» (IX книга, раздел 3.9). Тиран несчастлив, поскольку тиранический эрос находит удовлетворение только в попрании установленных норм, в негативной свободе. Он так и не знает своего блага. В этой части диалога, которая продолжает прерванное рассуждение конца IV книги, вновь используется «геометрическая» логика пропорций, поэтому Сократ вычисляет, что тиран в 729 раз более несчастен, чем справедливый царь.

В X книге (раздел 3.10) говорится о «древнем раздоре между философией и поэзией», предлагается провокационная критика искусства как подражания. Аргумент Платона состоит из двух частей, в каждой из которых искусство рассматривается в особом политическом режиме. Сначала искусство сковано, способно только на подражание. В пример приводится живопись, то есть искусство, не способное на свободный логос, на свой доступ к политическому бытию. Но перед искусством открывается и другая возможность: поэзия обладает властью над людьми. Но поэзия способна только на подрыв действующего режима, не случайно трагическая поэзия в чести у тиранов. Платон ставит перед поэзией выбор: либо подчиниться политическому режиму справедливого полиса, либо покинуть его, если она отказывается решать проблему справедливости. Итоговые

рассуждения «Государства» – рассказ о наградах за справедливость и миф о загробном существовании, – предлагаются в логике распределительного закона и закономерно относятся к типичным образцам «платонизма». В грандиозном видении Эра описывается божественный суд над душами, которым предлагается испытание свободы: они выбирают себе новую земную жизнь. Как при жизни, так и после смерти душа проходит испытание. Это круг бесконечного утверждения своего блага и справедливости, проходящего в самых разнообразных космических и земных условиях.

В разделе **3.11** рассматривается вопрос об осуществимости справедливого полиса. Исследователи высказывают различные мнения: для К. Поппера платоновский проект – реальная угроза,³³ для Л. Штрауса «Государство» – критика политического идеализма.³⁴ М. Шофилд вообще считает этот вопрос второстепенным.³⁵ Но немногие исследователи учитывают исторический контекст. «Государство» – колониционный проект, один из ряда проектов, выдвигавшихся в IV в. афинскими интеллектуалами, когда официальная политика города приветствовала усилия по возвращению утраченных колоний. В диалоге участвуют опытные колонисты. Одно из главных препятствий для доверия к реальности авторского замысла – слова Главкона о том, что такого полиса нет нигде на земле, что нередко полагают признанием «утопичности» проекта. Но эти слова надо интерпретировать в современной Платону исторической, а не позднейшей «утопической» традиции. У греческих историков рассказы о легендарных основаниях колоний жанрово связаны с «невозможной задачей» и с загадкой «невозможного ландшафта». В разделе **3.12** показывается, что Платон понимает время и историю как активную политическую силу, приносящую успех вопреки вероятности («божественный случай»).

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования. Делается вывод о подтверждении положений, представленных к защите и в частности основной гипотезы (ОГ), сформулированной в первой главе. Платон действительно предлагает в «Государстве» решение проблемы справедливости, исходя из логики аномалии и свободы. Это направление политического мышления представляется совершенно уникальным в контексте тех решений, которые предлагались философами XX в. Другая особенность платоновского замысла – ведущая роль философии в установлении справедливости.

В **Библиографии** содержится список книг и статей по теме данного исследования, использованных при написании диссертации.

---

³³ *Popper K.* Открытое общество и его враги. В 2 тт. Т. 1. М., 1992.

³⁴ *Strauss L.* The City and Man. The University of Chicago Press, 1978.

³⁵ *Schofield M.* Plato: Political Philosophy. Oxford University Press, 2006.

Публикации автора в ведущих рецензируемых журналах:

1. Платон и политическая идея // Философия и культура. №12 (48), 2011. С. 71-83. (1 п.л.)
2. Рецензия на сборник «Философия природы в античности и в средние века». М.: «Прогресс-Традиция», 2000 // Вопросы философии. №4, 2001. С. 153-157. (0,6 п.л.)

Публикации автора в других научных изданиях:

1. Платон и adynaton: алиби одной утопии // Логос. №4, 2011. С. 101-119. (1,1 п.л.)
2. Рецензия на книгу Leonard M. Athens in Paris: ancient Greece and the political in postwar French Thought. Oxford, 2005 // Логос. №4, 2011. С. 200-205. (0,25 п.л.)
3. «Филеб» [диалог Платона] // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: «Прогресс-Традиция», 2008. (0,25 п.л.)
4. Глухов А.А., Шичалин Ю.А. Введение, комментарий // Платон. Собрание сочинений. Том I (1): «Апология Сократа». М.: «Греко-латинский кабинет», 2000. (2 п.л.)